

Сторож / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapsu

написано kitapsu | 23 января, 2025

Сторож / рассказ СТОРОЖ

После обеда рассказывали приключения и случаи из охотничьей жизни.

Наш общий старый друг, г-н Бонифас, великий истребитель зверья и великий знаток вин, человек крепкий и веселый, здравомыслящий, умный и склонный к философии, к иронической и примиренной философии, любитель едких шуток и враг всего печального, вдруг сказал:

– Я знаю одну довольно своеобразную охотничью историю или, вернее, охотничью драму. Она нисколько не похожа на то, что обычно подразумевают под этим жанром, и я никогда ее не рассказывал, считая, что она никогда не может позабавить.

Вы понимаете, она ничуть не привлекательна. Я хочу сказать, что в ней нет интересной интриги, которая захватывает, пленяет или щекочет нервы.

Словом, вот в чем дело.

Мне было тогда лет тридцать пять, и я страстно увлекался охотой.

В те времена у меня было в окрестностях Жюмьежа среди лесов уединенное владение с прекрасной заячьей и кроличьей охотой. Я приезжал туда только раз в год на четыре – пять дней и всегда один, потому что недостаток помещения не позволял мне привозить с собою друзей.

Я взял туда в сторожа одного отставного жандарма, честного и вспыльчивого человека, строгого блюстителя порядка, грозу браконьеров и к тому же совершенно бесстрашного. Он жил совсем один вдалеке от деревни, в маленьком домике, или, вернее, лачуге, с кладовой и кухней в первом этаже и двумя комнатами в мансарде. Одна из них – каморка, где можно было поставить только кровать, шкаф и стул, – была предназначена для меня.

Вторую комнату занимал дядюшка Кавалье. Я не точно выразился,

сказав, что он жил один в этом доме. Он приютил у себя племянника, четырнадцатилетнего шалопая, который ходил за провизией в деревню за три километра и помогал старику в его повседневных делах.

У этого худого, длинного, сутулого и белесого мальчишки волосы походили на куриный пух и были такие жиденькие, что он казался лысым. В довершение всего, у него были огромные ноги и гигантские руки, руки колосса.

Он слегка косил и никогда не смотрел людям в глаза. Среди человеческой породы он занимал, по-моему, то же место, что вонючие зверьки в животном мире. Да, этот мальчишка напоминал хорька или лисицу.

Он спал в какой-то дыре под узенькой лестницей, которая вела в обе комнаты.

Но во время моих кратких наездов в «Павильон» — я прозвал эту лачугу «Павильоном» — Мариус уступал свою конуру одной старухе из Экоршвиля, которую звали Селестой; она стряпала для меня, потому что обеды дядюшки Кавалье были не очень-то съедобны.

Итак, вам уже известны персонажи и место действия. А вот и сама история.

Дело происходило в 1854 году 15 октября; я запомнил эту дату и никогда ее не забуду.

Я выехал из Руана верхом; за мной бежала моя собака Бок, крупная легавая из Пуату, с широкой грудью и сильной челюстью, она умела шнырять по кустам, как понтодемерская ищейка.

Дорожный мешок я подвязал за седлом, а ружье висело на ремне за спиной. День был холодный, резкий ветер наводил тоску, по небу мчались темные тучи.

Поднимаясь на холм в коммуне Кантеле, я посмотрел на широкую долину Сены, прорезанную до самого горизонта змеиными извивами реки. Слева Руан вздымал к небу свои колокольни, а справа вид замыкали далекие горы, поросшие лесом. Затем, пуская лошадь то шагом, то рысью, я пересек Румарский лес и часам к пяти добрался до «Павильона», где меня поджидали дядюшка Кавалье и Селеста.

Десять лет подряд в одну и ту же пору я приезжал сюда одной и

той же дорогой, и один и те же люди приветствовали меня одними и теми же словами:

– Добрый день, сударь. Как поживаете?

Кавалье совсем не изменился. Он противился разрушающему влиянию времени, как старый дуб. Но Селеста, особенно за последние четыре года, стала неузнаваема.

Она все еще была подвижна, но вся сгорбилась, согнулась в три погибели, и когда она стояла или шла, ее, казалось, так и клонит к земле.

Старуха любила меня, всегда казалась взволнованной при встрече со мной, а расставаясь, неизменно повторяла:

– Надо думать, сударь, уж последний раз видимся. И от печального, тревожного прощания этой бедной служанки, от ее горькой готовности к неизбежной и несомненно близкой смерти у меня больно сжималось сердце.

Итак, я слез с лошади, пожал Кавалье руку, и, пока он отводил лошадь в маленькую пристройку, заменявшую конюшню, я вошел с Селестой в кухню, служившую также и столовой.

Вскоре к нам присоединился сторож. Я с первого взгляда заметил, что он не в своей тарелке, чем-то обеспокоен, озабочен, встревожен.

Я сказал ему:

– Ну, как, Кавалье? Все ли у вас в порядке?

Он пробормотал:

– Есть и хорошее, есть и дурное. А кое-что мне совсем не по вкусу.

Я спросил:

– В чем же дело, приятель? Расскажите.

Но он покачал головой:

– Нет, не сейчас, сударь. Не хочу расстраивать вас с самого приезда всякими неприятностями.

Я настаивал, однако он решительно отказался посвятить меня в свои горести до обеда. Но по его лицу я понял: дело серьезное.

Не зная, что сказать, я спросил:

– А как дичь? Найдём что-нибудь?

– Ну, дичи-то много. Поохотитесь вволю! Я, слава богу, гляжу в оба.

Он говорил с такой серьезностью, с такой отчаянной серьезностью, что это становилось смешным. Пышные седые усы моего сторожа обвисли и, казалось, вот-вот свалятся с губ.

Вдруг я вспомнил, что еще не видел его племянника.

– А Мариус? Где он? Почему не показывается?

Сторож весь передернулся и, взглянув мне прямо в глаза, сказал:

– Ну, сударь, лучше уж я вам все сразу выложу; да, так оно будет лучше; ведь это из-за него у меня так тяжело на сердце.

– А, вот оно что! Где же он?

– На конюшне, сударь, и я жду, когда ему можно будет вам показаться.

– Что ж он натворил?

– Да вот какое дело, сударь...

Но сторож все еще колебался, голос его изменился, дрожал, на лице внезапно появились глубокие старческие морщины.

Он медленно заговорил:

– Да, вот какое дело. Нынешней зимой я стал примечать, что на участке Розерэ кто-то ставит силки, но поймать никого не мог. Я сторожил там целые ночи, сударь, целые ночи напролет. Ничего! А тем временем появились силки и в стороне Экоршвиля. Я похудел с досады. А поймать вора никак не мог. Он как будто заранее знал, негодяй, куда я пойду и где буду.

Но вот однажды чистил я брюки Мариуса, его воскресные брюки, и нашел в кармане сорок су. Откуда мальчишке взять сорок су?

Я думал об этом целую неделю и тут заметил, что он все куда-то убегал он, сударь, как раз в те часы, когда я возвращался домой отдохнуть.

Тогда я начал следить за ним, но сначала ничего еще не подозревал; да, ничего еще не подозревал. И вот однажды утром я нарочно при нем лег отдохнуть, но тотчас же встал и пошел за мальчишкой следом. Выслеживать, сударь, лучше меня никто не умеет.

И тут-то я его и накрыл, моего Мариуса: он расставлял силки на вашей земле, сударь. Подумайте! Мой родной племянник, а ведь я служу у вас сторожем!

Кровь бросилась мне в голову, и я так отлупил его, что едва не

прикончил на месте. Да, нечего сказать, здорово я его отлупил! И обещал еще раз проучить на ваших глазах, для острастки.

Вот какие дела! Я даже похудел от горя. Сама понимаете, каково приходится от таких передраг. Но что прикажете делать? У парня нет ни отца, ни матери, всей родни-то я один, вот я и оставил его у себя, – не выгонять же мне было сироту. Правда?

Но только я ему сказал, что если он опять примется за такие проделки, то конец, конец, пусть не ждет от меня жалости. Вот. Правильно я поступил, сударь?

Я ответил, протягивая ему руку:

– Вы правильно поступили, Кавалье, вы честный человек!

Он встал.

– Спасибо, сударь. Теперь я схожу за ним. Нужно его наказать для острастки.

Я знал, что старика бесполезно отговаривать. Поэтому я предоставил ему действовать по своему усмотрению.

Он пошел за мальчишкой и приволок его за ухо.

Я сидел на соломенном стуле, напустив на себя суровость судьи. Мариус с прошлого года вырос и стал еще уродливее, еще противнее и хитрее.

Его длинные руки были чудовищны.

Дядюшка подтолкнул племянника ко мне и скомандовал по-военному:

– Проси у хозяина прощения. Парень не произнес ни слова.

Тогда отставной жандарм схватил его под мышки, приподнял и принялся сечь с таким остервенением, что я встал, чтобы остановить порку.

Теперь мальчишка выл:

– Простите!... Простите!... Простите!... Больше не буду!

Кавалье опустил его на пол и, навалившись ему на плечи, заставил стать на колени.

– Проси прощения! – сказал он.

Мальчишка, опустив глаза, пробормотал:

– Простите.

Тогда дядюшка поднял его и выпроводил такой здоровенной затрещиной, что Мариус снова чуть не полетел кувырком.

Он убежал, и больше я его в тот вечер не видел.

Но Кавалье казался совершенно убитым.

– Дурной у него нрав! – сказал он.

Во время обеда он все повторял:

– Ах, как это меня печалит, сударь, я и сказать не могу, как это меня печалит!

Мои попытки утешить его были напрасны. Я лег спать спозаранку, чтобы на заре выйти на охоту. Собака моя уже спала на полу возле моей кровати, когда я задул свечу.

Среди ночи меня разбудил бешеный лай Бока. И тотчас я увидел, что комната полна дыма. Я вскочил с постели, зажег свечу и, подбежав к двери, распахнул ее. Ворвался вихрь пламени. Дом горел.

Я быстро захлопнул толстую дубовую дверь и, натянув брюки, спустил сначала в окно на веревке, сделанной из скрученных простынь, собаку, затем выбросил во двор всю одежду, охотничью сумку, ружье и, наконец, вылез сам тем же способом.

Затем я принялся кричать во все горло:

– Кавалье! Кавалье! Кавалье!

Но сторож не просыпался. Старый жандарм спал крепким сном.

Между тем в окно было видно, что весь первый этаж обратился в раскаленное горнило; при этом я заметил, что помещение набили соломой, чтобы дать пищу пламени.

Итак, дом подожгли!

Я снова неистово закричал:

– Кавалье!

Тут мне пришло в голову, что он может задохнуться от дыма. И, словно по наитию, я зарядил ружье двумя патронами и выстрелил прямо в окно.

Все шесть стекол, выскочив из переплетов, разбились вдребезги, и осколки посыпались в комнату. На этот раз старик услышал и в одной рубахе появился в окне, растерянный и до безумия испуганный отблесками пламени, ярко освещавшими весь двор.

Я крикнул ему:

– Дом горит! Прыгайте в окно! Скорей! Скорей!

Сквозь щели нижнего этажа внезапно вырвались языки пламени, они лизали стены, подбирались к старику, грозили отрезать ему путь. Он прыгнул и встал на ноги, как кошка.

Он прыгнул вовремя! Соломенная крыша вдруг провалилась посередине, как раз над лестницей, образовав отдушину для огня, бушевавшего в нижнем этаже; огромный красный сноп пламени поднялся в воздух, рассыпался брызгами, как струи фонтана; огненный дождь полил вокруг хижины.

Еще несколько мгновений — и весь дом охватило огнем.

Кавалье растерянно спросил:

— Где загорелось?

Я ответил:

— Подожгли кухню.

Он пробормотал:

— Кто же мог поджечь?

И внезапно я догадался:

— Мариус!

Старик все понял. Он пробормотал:

— Иисус-Мария! Так вот почему он не вернулся домой!

Но тут ужасная мысль промелькнула у меня в голове. Я воскликнул:

— А Селеста? Селеста?

Он ничего не ответил, и в ту же минуту дом рухнул у нас на глазах, превратившись в чудовищный костер, сверкающий, слепящий, кроваво-красный, в настоящее море огня; значит, несчастная женщина сгорела и сама стала лишь языком пламени, пламенеющим куском человеческой плоти.

Мы даже не слышали ни единого крика.

Огонь уже подбирался к соседнему сараю, я вспомнил о своей лошади, и Кавалье побежал выпустить ее.

Едва он открыл дверь конюшни, как чье-то гибкое тело быстро проскользнуло у него между ног, и старик упал. То был Мариус, удиравший во все лопатки.

Сторож тут же вскочил. Он хотел было бежать вдогонку за негодяем; но, сообразив, что не поймает его, обезумев от непреодолимой ярости и поддавшись одному из тех бессознательных и внезапных порывов, которых нельзя ни предупредить, ни сдержать, схватил мое ружье, лежавшее поблизости на земле, и прицелился. Не успел я опомниться, как он уже выстрелил, даже не проверив, заражено ли ружье.

Один из патронов, которыми я зарядил ружье, чтобы предупредить Кавалье о пожаре, остался неиспользованным, заряд попал беглецу прямо в спину, и Мариус свалился наземь, обливаясь кровью. Он принялся тут же скрести землю руками и ногами, словно хотел еще бежать на четвереньках, как смертельно раненный заяц от приближающегося охотника.

Я бросился к нему. Мальчик уже хрипел. Прежде чем потушили пожар, он умер, не вымолвив ни единого слова.

Кавалье, все еще в одной рубашке и босой, стоял около него точно в столбняке.

Пришли люди из деревни и увели моего сторожа; он, казалось, сошел с ума.

Меня вызвали на суд в качестве свидетеля, и я подробно, ничего не изменяя, рассказал, как все произошло. Кавалье был оправдан. Но он исчез в тот же день и навсегда покинул эту местность.

Я никогда больше его не встречал.

Вот, господа, моя охотничья история.

* * *

Напечатано в «Голуа» 8 октября 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Мандельштам. Neкаýalar